

БОЛЬШИЕ

и

КНИГИ

Омар Хайям

РУБАИ

Иллюстрации
ПАВЛА БУНИНА

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

МУДРЕЦ ИЗ НИШАПУРА

Хайяма-мудреца вино и стих бодрит,
И с нами честен он, и с Богом не хитрит.
И строго он судить не станет тех, кто ныне
О нем и за него по-русски говорит.

Во всем мире Омара Хайяма знают и чтут как поэта, автора изящных и точных по форме и глубоких по мысли рубаи, создателя знаменитого «Рубайата». Однако у себя на родине, в Иране, поэт первоначально стал известен как выдающийся ученый — астроном, математик, физик и философ. Не случайно уже при жизни поэта земляки наградили его почетными титулами «Доказательство Истины» и «Царь философов Запада и Востока», а в средневековых исторических сочинениях и ученых трактатах, упоминающих Хайяма, его именуют мудрецом (*хаким*). Очевидно, поэтому большинство сведений о Хайяме, содержащихся в средневековых источниках касается, прежде всего, его ученых занятий и карьеры придворного астролога.

Достоверными данными о творческом пути Хайяма как поэта его биографы не располагают. Даже легендарных историй, которые являлись неотъемлемой частью биографической литературы о знаменитых стихотворцах на мусульманском Востоке, о Хайяме не сохранилось. Естественно, возникает законный вопрос: считался ли вообще Хайям у себя на родине поэтом? Нет, его поэтом не признавали, хотя вообще обойти молчанием стихи средневековые историки не смогли. Однако они ограничивались скухими высказываниями типа «у него много хороших арабских и персидских стихов», «ему принадлежат всему свету известные трак-

таты и несравненные стихи». В то же время в исторических и биографических сочинениях приводятся всего лишь одно большое стихотворение и шесть его четверостиший.

Таким образом, главным источником для жизнеописания поэта могут служить лишь книги, известные в Средневековье как «истории мудрецов». Вместе с поэтическими антологиями (*тазкире*) «истории мудрецов» явились разновидностью средневековой биографической литературы. Наряду с достоверными данными здесь приводились легендарные истории и анекдоты, призванные внести в сухой биографический рассказ элемент занимательности, что, впрочем, не исключало веры рассказчика и читателя в их абсолютную подлинность.

Для современных читателей Хайяма эти сведения интересны тем, что они раскрывают перед нами некоторые черты психологического облика создателя «Рубайата», дают ключи к пониманию его взаимоотношений с миром, углубляют представления о том, как оценивали личность Хайяма люди его эпохи. Используются материалы «историй мудрецов» и в предлагаемой ниже биографии Хайяма.

Омар Хайям родился в 1048-м или несколькими годами раньше в восточноиранском городе Нишапуре. О том, кто были его родители и чем занимались, никаких сведений не сохранилось. Однако литературное имя поэта — Хайям, что в переводе означает «палаточных дел мастер», — указывает на то, что будущий поэт происходил из сословия ремесленников. Впрочем, семья, как видно, располагала достаточными средствами, чтобы обеспечить способному мальчику возможность получать образование в престижных учебных заведениях того времени. Омар Хайям закончил в Нишапуре высшее духовное заведение типа семинарии (медресе), которое по тем временам считалось одним из лучших в Иране и готовило в своих стенах священнослужителей и чиновников высокого ранга. Свое образование Хайям продолжил потом в Самарканде и Балхе, крупных культурных центрах Средней Азии и Хорасана.

За годы учения Хайям овладел всеми науками, традиционно включаемыми в круг образованности средневекового мусульманина, — математикой, физикой, астрономией, философией, тео-

софией, правоведением, а также историей, корановедением и основами стихосложения. Сохранились также свидетельства о том, что поэт был сведущ в науке врачевания и искусен в предсказаниях по звездам. В совершенстве изучив арабский язык, который являлся языком священного писания ислама, языком книжности и науки, Хайям со временем стал настоящим знатоком арабской и персидской поэзии. Увлекался поэт и изучением теории музыки.

Следует заметить, что тогдашняя система образования была построена на заучивании наизусть большого количества арабских и персидских текстов. Обладавший незаурядной памятью Хайям, чтобы усвоить такой объем знаний, был вынужден прибегать к специальной тренировке. Об этом повествуется в одной из легенд о нем. Рассказывают, что в годы своего учения Омар отправился в Исфахан, где молодого ученого привлекла возможность познакомиться с очень важным для его занятий научным трудом (поздние исследователи утверждают, что это был арабский перевод «Альмагеста», основополагающего труда древнегреческого астронома и географа Птолемея). Будучи не в состоянии приобрести ценную рукопись, Хайям решил хотя бы снять с нее копию. Историк XI века Бейхаки говорит об этом так: «...он внимательно прочел... книгу семь раз подряд и запомнил ее наизусть, а возвратившись в Нишапур, он продиктовал ее, и, когда сравнили это с подлинником, между ними не нашли большой разницы». Помимо Птолемея, Хайям изучал также научные труды Архимеда, Евклида и Аристотеля. Работы корифеев античной науки переводились на арабский язык и комментировались выдающимися мусульманскими учеными-энциклопедистами ал-Фараби, Абу Али ибн Сина (Авиценна), которого Хайям даже считал своим учителем.

Первый успех на научном поприще пришел к Хайяму в двадцатипятилетнем возрасте после написания «Трактата о доказательствах проблем алгебры и ал-мукаббалы». Это серьезное исследование поставило его в ряд выдающихся математиков того времени. Сразу же Хайям становится придворным ученым, которому оказывают покровительство правители-меценаты. До 1074 года он служит при дворе наследного принца в Бухаре, а за-

тем получает приглашение ко двору могущественного правителя династии Сельджукидов Малик-шаха (правил в 1072–1092 гг.) в Исфахан, бывший в то время столицей персидского государства. Здесь, в Исфахане, и начинается двадцатилетний период наиболее плодотворной научной деятельности Хайяма. По настоянию шахского визиря, умного и просвещенного Низам ал-Мулка, в распоряжение Хайяма передается одна из крупнейших в средневековом мире обсерваторий — исфаханская. Здесь Хайяму с группой «лучших астрономов века» удается разработать новый календарь, в основу которого был положен тридцатитрехлетний период, включавший восемь високосных годов, которые следовали семь раз через четыре года и один раз через пять лет.

Названный в честь высочайшего покровителя малик-шаховым, этот календарь отличался более высокой по сравнению с григорианским календарем точностью. К сожалению, реформа системы летоисчисления, предложенная Хайямом, так и не была проведена, а бесценные «Астрономические таблицы Малик-шаха», в которых подводился итог многолетних наблюдений его обсерватории за движением небесных тел, были безвозвратно утрачены. Не сохранился и трактат Хайяма по математике, в котором предлагался метод извлечения корней из целых чисел, а также выводилась формула, получившая впоследствии название бинома Ньютона. Считается, что в своих тогдашних работах по математике Хайям обогнал современную ему европейскую науку не менее чем на 500 лет...

Невероятно высок был авторитет Омара Хайяма и как придворного астролога. Характерный случай, доказывающий это, описывает лично знавший Хайяма Низами Арузи Самарканди, перу которого принадлежало интереснейшее дидактическое сочинение «Собрание редкостей, или Четыре беседы». В этой книге рассказывалось о четырех важнейших придворных профессиях: секретарях, астрологах, поэтах и врачах. Сведения об Омаре Хайяме включены в главу об астрологах. Автор повествует, что однажды астрологи при дворе Малик-шаха были заподозрены в том, что намеренно искажают смысл звездных предсказаний. Шах уже готов был обрушить на головы своих слуг жестокие ка-

ры, но те в качестве последнего довода стали умолять повелителя срочно послать гонца с их гороскопами «в Хорасан, к великому Омару. Что он скажет?». Упоминание имени великого звездочета смягчило сердце шаха и отвело грозу от его подданных. Тот же Низами Арузи приводит еще один пример искусства Хайяма-астролога. Однажды правитель города Мерв попросил «ходжу имама Омара» определить наиболее благоприятный час для его выезда на охоту. Хайям выполнил просьбу высокого заказчика, но когда султан сел на коня и проехал расстояние в один петушинный крик, набежала туча и поднялся снежный вихрь. Все засмеялись, и султан хотел уже повернуть назад, но ходжа имам Омар сказал: «Пусть султан успокоит сердце. Туча сейчас разойдется, и в эти пять дней не будет никакой влаги». Султан поехал дальше, и туча рассеялась, и в эти пять дней никто не видел ни облачка. Никто из окружающих Хайяма, включая и самого Низами Арузи Самарканди, очевидно, не подозревал о метеорологических познаниях Хайяма... Впрочем, достаточно характерна авторская ремарка, которой Низами Арузи Самарканди предваряет приведенный рассказ: «Хотя я был свидетелем предсказаний Доказательства Истины Омара, однако в нем самом я не видел никакой веры в предсказания по звездам».

Плодотворный во многих отношениях исфаханский период Хайяма обрывается с гибелью его главного покровителя при шахском дворе визиря Низам ал-Мулка, павшего от руки фанатика-убийцы. А при достаточно загадочных обстоятельствах вскоре умирает и султан Малик-шах. Вокруг престола Сельджукидов разворачивается ожесточенная борьба. Внимание наследников сосредоточивается на борьбе за власть, сопровождавшейся междоусобными распрями, обсерватория приходит в запустение, работы в ней прекращаются. В предисловии к одному из алгебраических трактатов (сам труд написан Хайямом еще в молодые годы) поэт горько сетует на участь «людей науки» своего времени: «...мне сильно мешали невзгоды общественной жизни. Мы были свидетелями гибели людей науки, число которых сведено сейчас к незначительной кучке, настолько же малой, сколь велики ее бедствия, на которую суровая судьба возложила большую

обязанность посвятить себя в эти тяжелые времена усовершенствованию науки и научным исследованиям».

Столь откровенное высказывание нечасто встретишь в средневековых сочинениях, авторы которых в абсолютном большинстве случаев предпочитали выражать свои взгляды в иносказательной манере. Приведенные слова Хайяма могли бы послужить своеобразным эпитафием ко второй половине его жизни, полной лишений и трагического одиночества.

После смерти Малик-шаха фактической правительницей государства стала его вдова Туркан-хатун. Хотя положение Хайяма при шахском дворе стало непрочным, он еще некоторое время оставался в Исфахане, выполняя обязанности астролога и врача царицы. Однако вести работу в обсерватории без монаршего покровительства и материальной поддержки становилось все труднее. К тому же Туркан-хатун не могла простить ученому доверительных отношений с покойным визирем, которого она, видимо, недолюбливала. Таким образом, конец придворной карьеры Омара был неизбежен. Биографы Хайяма связывают его с одним из эпизодов врачебной практики при дворе и относят к 1097 году. Младший сын Малик-шаха Санджар, будущий правитель сельджукидской державы, заболел ветряной оспой, и Хайям неосторожно высказал опасение за его жизнь. Один из слуг тотчас же передал одиннадцатилетнему наследнику слова лейб-медика, и царевич, истолковав их как предсказание, затаил против Хайяма злобу. По всей вероятности, неприязненное отношение царевича и послужило основной причиной отъезда ученого из Исфахана. С отъездом Хайяма город постепенно стал терять свое значение научного центра, обсерватория была закрыта, а вскоре и сама столица Сельджукидов была перенесена в Мерв.

Фактически изгнанному Хайяму не остается ничего другого, как вернуться в свой родной город Нишапур, где он и проведет остаток своих дней. Всего лишь несколько раз Хайям покинет Нишапур — в одном случае его целью станут краткие поездки в Бухару и Балх, в другом — длительное путешествие через весь Ближний Восток, паломничество в Мекку. В последние годы Хайям ведет замкнутый образ жизни. Преподавание в медресе, где он имеет свою кафедру, позволяет ему общаться с ограниченным кругом учеников. Изредка встречается с приезжающими в Нишапур учеными, еще реже снисходит до участия в философских диспутах. И только в исключительных случаях откликается на просьбы о составлении астрологических прогнозов, — по видимому, именно о таком исключении и идет речь в свидетельстве Низами Арузи Самарканди, относящемся к 1114 году. Тогда к Хайяму обратился не слишком к нему благоволивший султан Санджар, но передал он просьбу через своего великого визиря, приходившегося внуком погибшему покровителю Хайяма Низам ал-Мулку. Из этого эпизода можно заключить, что буквально до последних дней жизни авторитет Хайяма-астролога по-прежнему оставался чрезвычайно высоким, и обратиться к нему можно было лишь с помощью узкого круга друзей. Впрочем, для столь осторожного отношения к любым контактам с кругом сильных мира сего у Омара были все основания. В нишапурские годы к славе выдающегося ученого и мудреца он сумел прибавить славу крамольного философа — опасного вольнодумца и вероотступника, так что любой промах в общении с представителями духовной или светской власти мог стоить ему свободы и даже жизни. Свои настроения тех лет Хайям точно передал в стихах, сложенных по-арабски:

Доволен пищей я, и грубой и простою,
 Но и ее добыть могу я лишь с трудом.
 Все преходяще, все случайно предо мною,
 Давно нет встреч, давно уж пуст мой дом.
 Решили небеса в своем круговращенье
 Светила добрые все злыми заменить.
 Но нет, душа моя, в словах имей терпенье,
 Иль головы седой тебе не сохранить.

(Перевод Б. Розенфельда)

Философией Хайям занимался не столь углубленно, сколь точными науками, и объем его трудов в этой области невелик. Философские трактаты его немногочисленны и лаконичны — большинство из них было создано автором в ответ на просьбы разных светских и духовных лиц изложить в доступной форме ключевые вопросы мироздания и человеческого бытия. Естественно, что в этой области знаний Хайям не создал целостной концепции, однако, по отзывам специалистов, его труды отличаются строгостью научных суждений и оригинальностью догадок и гипотез. Будучи последователем Абу Али ибн Сины, в своих философских построениях Хайям в основном придерживался его системы изложения основ средневековой «царицы наук» и опирался на положения главного энциклопедического труда своего учителя — «Книги об исцелении». Любопытно, что в области научного языка Хайям выступил новатором. Он был одним из первых философов, использовавших в своих сочинениях персидский язык. В частности, он сделал перевод с арабского одного из трактатов Абу Али ибн Сины, то есть попытался нарушить монополию арабского языка в сфере средневековой мусульманской учености и заложить основы персидской научной речи. По-видимому, ему были известны философские сочинения религиозного философа и поэта Насира Хосрова (1004 — после 1072), известного проповедника исмаилитской доктрины в иранском мире. Он являлся автором нескольких философско-религиозных трактатов, написанных на персидском языке.

В учениях восточных перипатетиков (аристотелианцев), к числу которых принадлежали и Абу Али ибн Сина и Хайям, уживались элементы разных философских систем, таких как неоплатонизм, пифагорейская мистика чисел, стоицизм и т. д. По мнению современных историков философии, Хайям по сравнению со своим предшественником Авиценной усилил материалистическую составляющую в своих теоретических построениях. Именно это послужило причиной обвинений в адрес ученого в последний период его жизни, а также позволило средневековым теологам (начиная с XIII века) причислять его к философской школе «натуралистов» (*дахри*), как называли тогда на мусульманском Востоке материалистов или атеистов. Умонастроения Хайяма-философа достаточно четко прослеживаются в его трактатах, од-

нако сложный язык научной прозы позволял автору оставаться неуязвимым для мусульманской ортодоксии, которая всегда чувствовала в его идеях угрозу. Когда в средневековых сочинениях встречаются выпады в адрес Хайяма как человека опасного для людей веры, вероятнее всего, имеются в виду его четверостишия, в которых те же идеи выражены гораздо более ярко и открыто. Судя по всему, ученый сочинял стихи всю жизнь, адресуя их лишь самому себе и чрезвычайно узкому кругу ближайших друзей и учеников. Тому, что тайные стихотворные опыты Хайяма в конце концов стали достоянием гласности, он, очевидно, обязан самой форме *рубайи*. Персидское четверостишие по самой своей природе предназначено для устного распространения и бытования, поэтому выдающийся отечественный востоковед Е. Э. Бертельс назвал его «одной из наиболее летучих форм персидской поэзии». Если речь идет о *рубайи*, то «утечка информации» возникает практически сама собой, поскольку, по словам того же Е. Э. Бертельса, эта поэтическая форма «выполняет в Иране до известной степени роль нашей частушки». Для своих логически выстроенных философских афоризмов и дерзких эпиграмм Хайям выбрал «простонародную» форму поэзии, которая в его время была достаточно скромно представлена среди жанров придворной поэзии. При дворе *рубайи*, как и газели, видимо, исполнялись вокально и бытовали в качестве одной из разновидностей любовной поэзии, предназначенной для увеселения и услаждения слуха. Гораздо более широкое распространение *рубайи* получили в среде мусульманских мистиков, суфиев, которые исполняли *рубайи* в ходе своих ритуалов.

В четверостишиях Хайяма в полной мере проявилось не только его мировоззрение, но и характерные черты его личности. Будучи человеком замкнутым и самоуглубленным, «скупым в сочинении книг и преподавании» (как свидетельствовал его младший современник историк Бейхаки), «имам Омар» становился невероятно резким в своих высказываниях и поступках, когда речь шла о лжи, лицемерии, несправедливости. Его дерзкого и злого языка не без причины могли опасаться, однако, пока он находился под покровительством Малик-шаха и Низам ал-Мулка, у его недоброжелателей были связаны руки. После возвращения в Нишапур, лишенный сильных покровителей, Хайям ста-

новится удобной мишенью для ревнителей ислама, у которых и его крамольные философские взгляды, и хлесткие стихи вызывали постоянное раздражение. Ироничный и неуживчивый, Хайям без колебания и страха публично высмеивал своих гонителей, среди которых часто оказывались духовные лица высокого ранга. Вот какой рассказ передает историк XIII века Закарийя Казвини, повествуя о событиях жизни Хайяма в Нишапуре: жил в городе некий *факих*, знаток мусульманского права, пожелавший присоединиться к группе учеников Омара Хайяма. По утрам уважаемый законовед исправно посещал уроки и внимал учителю, однако в свободное от занятий время поносил своего наставника на всех перекрестках. Прослышав об этом, Омар решил проучить зарвавшегося ученика и поступил так. Однажды утром он велел собрать перед своим домом трубачей и барабанщиков. Стоило только *факиху* приблизиться к дому учителя, Хайям подал знак, чтобы трубили в трубы и били в барабаны. Когда же около дома собралась изрядная толпа, Омар обратился к горожанам с такой речью: «Нишапурцы! Вот вам ваш ученый. Он ежедневно в это время приходит ко мне и постигает у меня науку, а среди вас говорит обо мне так, как вы знаете. Если я действительно таков, как он говорит, то зачем он заимствует у меня знания? Если же нет, то зачем поносит своего учителя?»

О скептическом отношении Хайяма к достоинствам духовных лиц свидетельствует еще один не лишенный ехидства анекдот, приведенный средневековым историком в качестве доказательства того, что Омар верил в переселение душ. «Рассказывают, — говорит историк, — что в Нишапуре была старая семинария (медресе), и для ее починки ослы возили кирпичи. Однажды Хайям шел с учениками по двору и увидел, что один из ослов никак не может войти внутрь. Заметив это, мудрец улыбнулся и, направившись к ослу, произнес экспромтом:

Ты ушел, но вернулся в сей мир бессловесным скотом,
Твое имя, известное прежде, меж других затерялось потом,
Твои ногти срослись воедино — копытами стали,
Борода твоя выросла сзади и стала хвостом.

(Перевод М. Рейснер)

МУДРЕЦ ИЗ НИШАПУРА

Осел вошел, и тогда мудреца спросили, что послужило тому причиной. Омар ответил: «Дух, вошедший в тело этого осла, обитал в теле наставника этой семинарии, вот почему он не мог войти внутрь; теперь, когда он понял, что сотоварищи его узнали, сам по необходимости прошел во двор».

Однако этим забавным средневековым байкам явно будет недоставать остроты и язвительности, если сравнить их с таким четверостишием Хайяма:

Красотку шейх корил: «Пьяна совсем,
Сегодня этим бредишь, завтра — тем...»
— «Я такова, — сказала, — ты таков ли,
Каким желаешь показаться всем?»

(Перевод Ц. Бану)

Даже беглый обзор средневековых сообщений об Омаре Хайяме позволяет выявить некоторую закономерность в эволюции

оценок его натуры: свидетельства Низами Арузи Самарканди и Бейхаки (1106–1174), знавших его лично, проникнуты не просто преклонением перед достоинствами великого ученого, но и чисто человеческой симпатией и восхищением; более поздние сведения, сложившиеся в форму сводных биографий и включенные в сочинения типа «историй мудрецов», отличаются сочетанием традиционных формул восхваления его учености и резко отрицательными оценками его как личности. Упоминание о таких чертах характера Хайяма, как замкнутость, скрытность и даже некоторое высокомерие, проявлявшееся в скупой и лапидарной манере сочинения и преподавания, в нежелании подробно объяснять ученикам непонятное, имеется уже у Бейхаки. Тем не менее только у поздних историков личные качества Хайяма подвергаются открытому осуждению и служат основой для обвинений в нарушении норм шариата и вероотступничестве.

Первый после Бейхаки историк, сообщающий сведения об Омаре Хайяме в своей «истории мудрецов», Мухаммад Шахразури начинает посвященный ему раздел такими строками: «Омар Хайям нишапурец по происхождению и рождению, он был равен Абу Али ибн Сине (Авиценна) в науках философских, но был дурного нрава, почему его менее посещали люди науки». Рассказывая о другом ученом, астрономе и механике Абу-л-Хатеме Музаффаре Исфизари (кстати, близко знакомом с Хайямом, судя по словам Низами Арузи Самарканди), тот же автор подчеркивает, что «с учениками и слушателями он был приветлив и ласков в противоположность Хайяму». При этом у Шахразури еще отсутствуют в полном объеме мотивы осуждения поступков Хайяма с точки зрения религиозной морали, хотя намек на них можно усмотреть и в одном небольшом рассказе, в котором повествуется о том, как к Хайяму явился некий ученый и задал ему вопрос, касающийся астрономии. Омар Хайям начал объяснять, но «поскупился на беседу по предмету вопроса — таков был обычай этого уважаемого старца». В это время до слуха их донесся призыв к полуденной молитве. «Пришла истина, и исчезла ложь», — сказал посетитель и встал. Притом что в анекдоте нет прямых нападок на Хайяма, тон его вполне соответствует последующим представлениям о богопротивной натуре ученого.